

О.Н. ЯНИЦКИЙ, Е.Б. БОНДАРЕНКО

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИНДИВИД¹

Аннотация. Глобализация есть процесс всеохватывающих трансформаций и еще более тесной интеграции природных и социальных экосистем разного уровня. В то же время глобализация есть социально сконструированный процесс, нарушающий эволюционно сформировавшуюся устойчивость биосферы. В результате современный мир представляет собой совокупность социобиотехнических систем. В статье анализируется воздействие данных процессов на микроуровне, то есть на индивида и его опорную систему, которую автор называет первичной экоструктурой. Интерпретация этого понятия, критические изменения его структуры и функций, способов адаптации индивида к вызовам глобализации, перемены в его динамическом стереотипе, включая метаболические процессы между ним и средой обитания, — такова проблематика статьи.

Ключевые слова: адаптация; глобализация; динамический стереотип; индивид; критические изменения; метаболизм; первичная экоструктура; риск; социобиотехническая система.

Для цитирования: Яницкий О.Н., Бондаренко Е.Б. Глобализация и индивид // Социологический журнал. 2016. Том 22. № 4. С. 42–59. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.4.4811

Глобализация требует смены парадигмы

Глобализация есть процесс всеохватывающих трансформаций, в ходе которых одновременно разрушаются старые процессы, структуры и сообщества и возникают новые. Другая сторона этих трансформаций — интеграция старых и новых процессов и структур, ранее разделенных во времени и пространстве, включая природные экосистемы и процессы. Фактически техногенная глобализация все более нарушает эволюционно сложившиеся биосферные процессы. Глобализация не только критически болезненный, но и рискогенный процесс. Ее обратная сторона — производство всеохватывающих рисков, обу-

Яницкий Олег Николаевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии Российской академии наук. Адрес: 117218, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

Телефон: +7 (499) 128-86-76. Электронная почта: oleg.yanitsky@yandex.ru

Бондаренко Евгения Борисовна — преподаватель, кафедра военного управления, Военная академия связи им. Маршала Советского Союза С.М. Буденного. Адрес: 194064, Санкт-Петербург, Тихорецкий просп., д. 3. Телефон: +7 (812) 247-93-72. Электронная почта: abtemistka@gmail.com

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного фонда, проект «Социология критического состояния городских систем: теория и практика», № 15-03-000-27.

словленных конструированием человеком сложных интегрированных систем, которые назовем социобиотехническими. Совокупность таких изменений создает в глобальном мире критические точки, в предшествующих работах они были обозначены нами как критические зоны и процессы [10; 53; 55]. Понятия критического состояния и зоны его распространения неравнозначны понятиям бифуркации общественной динамики и тем более экономического кризиса. Кризисы возникают и преодолеваются, а критические состояния или зоны могут существовать долго, в итоге даже может произойти распад этих зон или сообществ, поскольку процессы производства рисков в них довлеют над процессами развития и производства общественного богатства.

С нашей точки зрения, совокупность процессов, породивших процесс глобализации, *требует изменения самого принципа подхода* к изучению связи макропроцессов и микропроцессов, то есть смены парадигмы изучения этой связи. Привычные для нас оппозиции типа «человек — природа», «город — деревня», «технология — культура» и даже «мир — война» более не соответствуют высокоинтегрированному целому, коим является современный мир, пронизанный к тому же глобальными сетями и потоками ресурсов, людей, информации и т. д. Микроструктуры — малые группы, гражданские инициативы и отдельные индивиды — также зависят от этих потоков и связей.

Необходимость смены парадигмы в общественных науках возникает в трех случаях. Первый: когда происходит смена способов общественного производства и воспроизводства самого общества. Это критическая ситуация, требующая не просто анализа последствий такого качественного скачка, но и его парадигматического осмысления. Второй: возникновение критической ситуации в самой науке, когда ее теоретический инструментарий устаревает и становится непригодным для изучения новых вызовов, в данном случае глобализации. Особенно если эти вызовы приходят со стороны не эволюционно развивающихся природных и социальных процессов, а «гибридных» биосоциотехнических явлений разного масштаба. Конструирование человеком технических систем и их встраивание в существующие природные и социальные экосистемы означает, что такой «гибрид» начинает жить по собственным законам. В этом случае любой монодисциплинарный подход с выделением «ведущей силы», «главного звена» или «ключевого фактора» уже не работает. Третий случай, точнее препятствие: когда любая наука становится инструментом обслуживания политических процессов и предпочтений. Публичность общенаучного, в том числе социологического, знания хороша там, где ученые (во взаимодействии с другими профессионалами) формируют систему ключевых представлений и понятий, отражающих сложность структуры и динамики социобиотехнических систем. Но не там, где любое научное знание используется как инструмент пропаганды.

С нашей точки зрения, главными факторами, которые требовали смены парадигмы в экосоциологии, были именно изменения способа производства и воспроизводства общества, произошедшие в исторически ничтожные сроки. Начиная с 1970-х гг. авторы доклада «Пределы роста» и других докладов Римскому клубу фактически указывали на формирование нового объекта научного интереса. Однако капитанам глобального рынка и миропорядка было выгодно называть произошедший сдвиг *новой технологической революцией*, то есть односторонне, монодисциплинарно. Эта смена парадигмы сначала произошла в развитых странах с высоким уровнем общественного производства и материального достатка, в остальном мире это вызвало неоправданные надежды на быстрый и безболезненный прыжок из общества с разнообразным множеством «традиционных» и архаичных укладов в современное, высокотехнологичное общество.

Конкретными факторами, требовавшими смены общенаучной парадигмы, были следующие: глобализация, усилившая борьбу за природные и другие ресурсы и шире — за господство на геополитической арене; информатизация, породившая феномены «инверсии пространства» и «глобального присутствия»; следовавшие за ними процессы массовых миграций и дальнейшая «социализация природы»; возникновение феномена, именуемого в научной литературе «силой слабости». Произошло взаимопроникновение природных, социальных и технологических процессов и как результат — формирование глобальной высокоинтегрированной социобиотехнической системы. Геополитика как доктрина и как практическая политика сегодня вышла на первый план. Другая сторона процесса глобализации — угнетение и разрушение разнообразия локальных природных и социальных экосистем, а также гражданской активности, нацеленной на поддержание этих уникальных экосистем (например природоохранного, краеведческого и других движений). Охарактеризуем основные свойства этой быстро изменяющейся системы.

Глобализация и индивид

Исследователи процесса глобализации в течение более полувека сосредоточивали свое внимание именно на изучении причин ее возникновения, макроэкономических и макросоциальных структур и социальных механизмов ее динамики [6; 5; 7; 8; 11; 13–19; 3; 22–24; 28; 31–33; 35–46; 48; 49]. Значительно меньше внимания уделялось процессам на локальном уровне [20; 25; 30; 34] и совсем мало — изменению сознания и поведения индивида под воздействием глобализации [16; 12].

Такой перекоп был вполне объясним: исследователи глобализации хотели уловить основные характеристики этого нового явления, оказывающего возрастающее влияние на все сферы жизни. Что касается микроуровня, то, пожалуй, только два автора уделили ему серьезное внимание. Это У. Бек [16] с его концепцией «индивидуального жизненного проекта»

и З. Бауман [12], создавший концепты «мобильного индивида в быстро изменяющейся среде» и «париев глобализации». Другие авторы говорили о значимости взгляда на глобализацию «снизу — вверх», о формировании корпуса гражданских экспертов (*expert-citizens*), о необходимости защиты биоразнообразия и местных культур. Однако о том, как изменяются сам индивид и социальная среда, его окружающая («кокон основополагающего доверия», по Э. Гидденсу), речи практически не было.

Поэтому с середины 1980-х гг. автор данной статьи начал развивать концепцию первичной экоструктуры [51; 52]. Ее суть в том, что практически каждый человек имеет систему доступа к ресурсам, которые у него всегда «под рукой». Это могут быть семья, близкие друзья, «доверенные лица», но также материальные и интеллектуальные ресурсы (деньги, знания, навыки, люди, у которых всегда можно получить совет или помощь, и т. д.). Суть этой структуры состоит также в том, что все эти ресурсы и «точки опоры» весьма разнокачественные, но человек уже умеет пользоваться ими комплексно, интегрально, не прибегая к помощи посторонних или «переводчиков». То есть периодически *самостоятельно* он осуществляет операцию соединения (соотношения) разнокачественных условий, стимулов, рисков и т. д. Наконец, эта структура ресурсных, информационных и иных связей есть, по существу, тот же человек, но в его «расширенном» варианте, характеризующем его идентичность. Конечно, в процессе социализации — а она сегодня длится всю жизнь — первичная экоструктура меняется, но меняется вместе с ее носителем.

Рассмотрим основные положения экоструктуры. Во-первых, она изменяется с переходом общества от традиционного способа производства к индустриальному и затем к постиндустриальному. Во-вторых, этот процесс зависит от трех параметров: от связи жизнедеятельности индивида с его прошлым, настоящим и будущим. С нашей точки зрения, «индивидуальный проект будущего» не менее важен, чем включенность индивида в ход глобальных процессов. В-третьих, если первичная экоструктура традиционной эпохи была основана на постоянных местных связях (производства и воспроизводства), то современная экоструктура зиждется на глобальных и весьма переменчивых связях (сетях). Образно говоря, глобализация «вынула» человека из кокона стабильных местных связей (семейных, соседских) и включила его в весьма подвижную, малопредсказуемую и потенциально рискованную сеть надперсональных сетей и связей. В результате риск деформации и даже полного разрушения подобных ячеек резко возрастает.

Что конкретно требует глобализация от индивида, где бы он ни находился? Во-первых, от него требуется «успевать» за потоком изменений во всех сферах социального бытия. Чтобы «успевать», общество предлагает индивиду готовые рецепты в виде целостных «стилей жизни», которые транслируются СМИ, социальными сетями и другими сред-

ствами массового воздействия на индивидуальное сознание. Во-вторых, общество требует от него не просто следовать неким общим правилам жизни, но и соблюдать их надлежащим образом, для этого разрабатываются все более изощренные способы «кодификации» такой жизни. Конструирование индивидуальных «кодов», или стилей, жизненного процесса становится практически невозможным. В-третьих, возрастает так называемая маркетизация жизни, то есть та же «кодификация», но только осуществляемая рынком. К каждому сезону, случаю вам предлагается определенный набор товаров и услуг, которые вы не в силах изменить. Причем это не просто товары и услуги, а периодически меняющиеся знаки индивидуального успеха и престижа. Эта маркетизация особенно жесткая в сфере медицинских услуг, где все манипуляции с человеческим телом и здоровьем, назначение лекарств и т. д. выполняются в соответствии с где-то разработанными «протоколами» и «компетенциями». Непосредственные контакты больного с лечащим врачом и тем более консилиумы, то есть обсуждение группой профессионалов состояния больного у его постели, становятся исключением. В этой ситуации индивид вынужден только «доверять».

В-четвертых, все эти изменения в конечном счете означают, что поведение индивида и весь его образ жизни уже кем-то детерминированы, и непосредственное общение между производителем услуг и их потребителем исключается. Остается только дистанционная коммуникация. В-пятых, в обществе существуют много надзорных органов, наблюдающих и контролирующих соблюдение всех этих кодов и протоколов, однако обратная связь между индивидом и создавшими эти коды и протоколы системами чрезвычайно сложна и затруднена.

Модель маркетизации и «кодификации» социальной жизни зиждется на принципе одноразовости, сиюминутности: «купил – использовал – выбросил» (принцип «выучил – сдал – забыл» в сфере образования является его аналогом). Более того, и вся остальная жизнь, включая экономическую и политическую, осуществляется короткими перебежками. Совокупность обозначенных выше технологических и социальных принципов освобождает массового человека от главного: от необходимости и способности самостоятельно думать и принимать решения. Прошлое страны оказывается несущественным, главное — успех «здесь и сейчас!» У этих процессов есть и обратная сторона: если индивидуальная самореализация затруднена, то индивид уходит в социальные сети и тем самым исключается из общественной жизни.

Российскому жителю пришлось столкнуться скорее с эхом глобализации, которое выразилось в резком переходе к рыночной экономике, всецело зависящей от мировой рыночной конъюнктуры. Сложившимся формам жизни угрожает растущая международная напряженность, причем прежде всего в ее специфической форме — индивидуального (одионого) терроризма. Это и есть форма всепро-

никающего риска, который индивид не может предсказать, от которого нельзя защититься. Далее, как оказалось, ни накопленные сбережения граждан, ни взятые ими кредиты не спасли их от мирового экономического и финансового кризиса: рубль резко подешевел, цены взлетели. Ухудшало ситуацию повышение налогообложения прямыми и косвенными способами. Повсеместно наблюдается неуклонное старение жилого фонда и городской инфраструктуры, чреватое неожиданным обрушением домов, провалами дорожного полотна и другими бедами.

Есть еще одна проблема, которую следует обозначить. Это массовый приток в Россию мигрантов со всего мира, прежде всего из Средней Азии. Эти люди, как правило, иной культуры и иных стереотипов поведения. Работая на предприятиях и в городском сервисе, в большинстве своем они имеют более низкую квалификацию, чем коренные жители крупных городов. Как уже показал и наш, и европейский опыт, привлечение массы мигрантов в города чревато социальными и этническими конфликтами и технологическими рисками.

Изменение «динамического стереотипа»

Баланс «включения — обособления» индивида в некоторую общественную систему есть максима социальной психологии [1]. Конечно, под воздействием обстоятельств реальной жизни активность человека «сдвигается» в ту или иную сторону, но это не отменяет данной максимы, поскольку она обусловлена возможностями человеческого организма, с одной стороны, и конкретными обстоятельствами — с другой. Однако этот баланс может быть существенно «сдвинут» в ту или другую сторону в зависимости от архетипа образа жизни, которому следует конкретный индивид.

В первом приближении можно выделить несколько таких архетипов — например *подчиненный*, *паразитирующий*, *развивающий* и *радикальный*. Первый говорит о том, что индивид согласен на любые условия (то есть на общепринятый социальный порядок), лишь бы достичь желаемого результата (благополучие, безопасность, богатство и др.). Паразитирующий архетип заключается в том, что индивид находит способ жить так, как ему хочется, за счет других. Развивающий архетип заключается в ориентации всей деятельности индивида на максимальный конечный результат, который иногда достигается за счет сокращения времени (усилий, внимания), уделяемого другим сторонам его жизни. Радикальный образ жизни практикуют те люди и сообщества, которые стремятся заполучить блага, принадлежащие другим обществам и людям, «здесь и сейчас». Они мотивируют такое свое поведение тем, что должны вернуть себе то, что было когда-то отнято у них или у их предков насильственным образом.

Названная выше максима практически реализуется в «динамическом стереотипе» каждого индивида. Под данным стереотипом подразумеваются устойчивые ежедневные и иные маршруты индиви-

да: например, дом — работа — дом; семья — школа; вуз — семья и т. д. Каждый из подобных дневных и более протяженных во времени маршрутов индивид стремится рационализировать по принципу минимакса. Например, бóльшая доступность к средствам жизнеобеспечения при меньшей потере сил и времени (на передвижение, ожидание ответа на запрос и т. д.), бóльшая удовлетворенность результатами своего труда, их общественным признанием и т. д. при сохранении собственного физического и психического здоровья, а также обеспечение достатка и безопасности своей семьи при тех же условиях.

Что же происходит со стереотипом поведения в условиях глобализации, информатизации, всеобщей мобильности и т. д.? Во-первых, этот стереотип становится *динамическим*, подвижным. Если, по определению З. Баумана, современность становится «текучей», то и стереотип поведения всякого индивида должен изменяться. И вот здесь начинаются сложности, поскольку отдельный индивид не может угнаться за темпом происходящих перемен. К тому же эти глобальные перемены на рынке труда, услуг, а также неожиданные угрозы и локальные катастрофы все чаще вынуждают индивида нарушать сложившиеся динамические стереотипы. Например, он соглашается на любую работу, лишь бы иметь средства к существованию, или покидает семью, дом в поисках заработка, или для самосохранения должен покинуть прежнее место жизни и работы, как многие беженцы из Африки и Ближнего Востока.

Во-вторых, этот стереотип может *качественно* измениться, если индивид не согласен подчиняться обстоятельствам, а старается изменить их в свою пользу. Речь идет о гражданских инициативах и социальных движениях, о протестных действиях. Гражданский активизм — это в той или иной степени всегда активизм мобилизационного типа. В этом случае индивид сознательно ставит цели общественного блага выше собственного благополучия или успеха.

В-третьих, индивиды, объединяясь в группы или вливаясь в толпу, в движущуюся массу народа, могут попытаться изменить обстоятельства своего существования силовым образом, то есть фактически изменить социальный порядок. Нельзя забывать, что возрастающая глобальная трудовая мобильность вкупе с использованием социальных сетей и других достижений технического прогресса значительно облегчает данный процесс. Индивидуальный «динамический стереотип», соединяясь с движением толпы беженцев или мигрантов, становится мощной социальной ударной силой. Именно это и наблюдается сегодня в Европе.

В-четвертых, несмотря на глобализацию и всеобщую мобильность, подчиненный архетип динамического стереотипа сохраняется. Речь идет о феномене «внутренней эмиграции», когда индивид вопреки изменяющемуся социальному контексту стремится сохранить свой динамический стереотип. Этот архетип может вырождаться в паразитический образ жизни за счет родных и близких индивида.

В-пятых, в современном обществе всегда существуют паразитирующие архетипы социального поведения (обман, коррупция, криминал и другие виды насилия). Однако здесь эти архетипы не рассматриваются.

Социобиотехнический метаболизм и первичная экоструктура

Выше речь шла о поведенческих архетипах и стереотипах в условиях глобализации. Однако не менее важно познание современных метаболических процессов как внутри этой структуры, так и при ее взаимодействии с внешней средой. Речь идет не об «интеракциях» в привычном для социолога понимании, а о сложных биохимических и психологических трансформациях внутри и вовне рассматриваемой экоструктуры. До сих пор отечественная и зарубежная социология преимущественно изучала метаболические процессы макромасштаба: при переходе от одного способа производства к другому, энергетические процессы внутри городского организма и т. п. [4; 9; 26; 27; 50].

Метаболические процессы как внутри первичной экоструктуры, так и при ее взаимодействии с окружающей средой во многом обусловлены теми же переменами, о которых речь шла в начале статьи. Поскольку это совершенно новая тема для социологии и смежных наук, обозначим лишь некоторые направления ее изучения. Во-первых, мобильность и изменчивость среды, окружающей экоструктуру, расшатывает ее и, возможно, порождает негативные трансформации внутри человеческого организма. Вместе с тем известно, что организм человека, особенно его мозг, имеет огромные резервы сопротивления и адаптации. Каковы их пределы — вопрос открытый. Однако доказано, что избыточное информационное давление окружающей среды на человека приводит ко многим негативным последствиям (снижает иммунитет, работоспособность, вызывает раздражительность и бессонницу, ускоряет процессы старения и др.).

Во-вторых, происходит тотальная химизация воды и пищи. Современный процесс производства продуктов питания и полуфабрикатов проходит три этапа. Сначала все натуральные, привычные для человека запахи изводят под корень, мотивируя это необходимостью увеличения производства продуктов питания, лекарств и т. д. Потом посредством химизации готовят для нас некий «продукт», уверяя, что он и есть тот самый хлеб, та самая колбаса, рыба и т. д. (даже телевидение недавно уже озаботилось тем, что мы едим на самом деле). То есть сначала натуральные продукты лишают естественного запаха, вкуса и цвета, затем химизируют их, придавая им натуральные вкус и аромат. В результате эти продукты хорошо продаются. Это называется «сенсорным шопингом».

Естественно, вся эта химизация потребительских товаров осуществляется за счет природных ресурсов: нефти, газа, древесины, чистой воды и т. д. Затем уже химически обработанный потребительский продукт «ароматизируют» под натуральный, то есть подвергают обработке еще раз, и продают. Естественно, значительно дороже,

чем исходный натуральный продукт. Все довольны: и потребители, вдыхающие «забытый запах» прошлой жизни, и корпорации, и перекупщики, и сетевые магазины. Но это не все. На хлебе, хлебобулочных изделиях и некоторых других продовольственных товарах массового спроса стоит строгое указание: употребить за 2–3 дня, иначе даже хлеб (!) станет для этого непригодным.

В-третьих, химизации подвергаются одежда, обувь, постельное белье, моющие средства, мебель, краски, полы, оконные рамы, упаковочные материалы и др., то есть фактически все, что составляет нашу повседневную среду обитания. И заменить эти товары на нечто натуральное (дерево, хлопок и т. п.) не так-то просто, и стоять они будут дорого. К тому же уровень пожарной опасности повышается. Наши леса ежегодно горят, а качественная древесина для изготовления мебели вывозится за границу.

В-четвертых, существует проблема переработки мусора. Уровень «интеллигентности» части городского населения таков, что в мусоропроводы сбрасывают все, вплоть до трупов домашних животных. Другая сторона той же проблемы — несвоевременный и некачественный вывоз мусора. А весь этот мусор к тому же прекрасно горит. Химические реагенты, которые разбрасывают на улице, после таяния снега не убирают (хотя их можно убрать тем же пылесосом, которым собирают опавшие листья осенью). В результате почва во дворах становится мертвой, и, как следствие, почти не слышно птиц. «Молчаливая весна», о которой 30 лет назад писала американский эколог Р. Карсон, пришла и к нам.

В-пятых, средней метаболизм проявляется в виде климатических аномалий, ураганов, наводнений, и защититься от этого невозможно. Но гораздо серьезнее то, что население абсолютно беззащитно в случае аварий на атомных станциях и химических предприятиях. Более того, опыт Чернобыля и «Фукусимы-1» продемонстрировал, что в экстремальных ситуациях власти стараются преуменьшить или даже скрыть последствия для людей, находящихся не только в зоне поражения, но и за тысячи километров от нее. Появление всевозможных опасностей (клещи, неизвестный вирус и т. п.) выгодно корпорациям, производящим инсектициды, дезодоранты, лекарства, вакцины, защитные мази, фильтры для очистки воды и т. д. Химизированы в значительной степени даже издревле известные натуральные лекарства и средства защиты человека от природных рисков.

В-шестых, военно-политические риски. Сегодня военно-политическая ситуация на планете меняется стремительно. Например, вчера еще безопасный курорт в Таиланде или в Западной Африке подвергается атаке местных радикалов или экстремистов. Непредсказуемы и природные катаклизмы. Недавнее наводнение во Франции накануне чемпионата финала Европы по футболу является доказательством этому.

В-седьмых, современный город стал «проходным двором», таящим опасности и риски. Чем больше в нем временного (приезжающего на

день) населения, тем эти риски выше, так как люди из других мест, работающие в больших городах, относятся к ним чисто потребительски.

Даже если человек и захочет вести «экологический» образ жизни, в современных условиях это весьма затруднительно, причем не только по причинам, изложенным в пунктах 1–7. Капиталистическое производство не может существовать без двух процессов: всевозрастающей эксплуатации природных ресурсов и столь же стремительного превращения природной среды в искусственную, то есть в совокупность социобиотехнических систем разного масштаба. Поэтому настоящий смысл понятия «экологизация образа жизни» заключается в бегстве (в прямом и переносном смысле) от очевидных опасностей туда, где, как данному человеку кажется, пока еще менее опасно. Но в том-то и суть процесса глобализации, что она всеобщая, всеохватывающая. Значит, и риски, ею производимые, столь же неизбежны для любой точки мира. Поэтому любые средства защиты первичной экоструктуры от внешних воздействий всегда относительно.

Феномен «силы слабости»

Это еще один парадокс глобализации. Оказывается, индивид не только всецело подчинен этому процессу, но может и противостоять ему. Удивительно, но сам процесс глобализации этому способствует. Зародившись в наиболее индустриально развитых странах, глобализация в то же время привела к тому, что в них возникли такие проблемы, как старение населения, недостаточность рабочей силы средней и низкой квалификации. Эти страны ослабили внимание и к процессам воспроизводства рабочей силы высокой квалификации. Разрыв в уровнях доходов богатых и бедных стран продолжал увеличиваться, а политика первых по отношению ко вторым, по сути, оставалась колониальной, особенно по отношению к странам Африки, Азии и Ближнего Востока.

Возникает *цивилизационный разрыв* между странами-лидерами и странами, от них зависимыми, между бедными и богатыми странами, с высоким уровнем образования и не очень и т. д. Этот разрыв усугубляется СМИ и социальными сетями, которые создают у населения зависимых стран ощущение легкой доступности к благам западной цивилизации. К тому же в западных странах существуют инокультурные сообщества, способствующие притоку мигрантов. Наконец, цивилизационный разрыв радикализуется исторически сложившимися противоречиями между мусульманским и христианским мирами. Этот разрыв используется группами интереса в развивающихся странах в целях экономического и политического давления на англосаксонский мир.

Как показала новейшая европейская история, наиболее дешевым и действенным средством этого давления является *террорист-одиночка*. В контексте данной статьи хакеры рассматриваются как террористы. Они, хотя и не убивают людей физически, наносят социальный и моральный вред тысячам людей путем обнаружения их личных данных,

переписки и т. п. Осуществление хакерами нескольких одиночных или групповых подобных терактов в разных частях страны или даже только в столице оказывает серьезное и долговременное негативное воздействие на все стороны экономической, социальной и культурной жизни общества. Европейское научное сообщество уже поставило под вопрос концепцию приватности, которая является одним из базовых принципов западного социального порядка [29]. Причем в Европейском союзе само понятие приватности трактуется достаточно широко — как воздействие на нее не только отдельных лиц, но и проектов, программ, политических решений, использования различных сервисов и т. д. [47]. Это весьма серьезный вызов англосаксонскому миру, продолжающему, по существу, колониальную политику в отношении развивающихся стран, только в современных условиях методом «мягкой силы» или «гибридного воздействия». В связи с этим концепцию «порядок из хаоса» [5] следовало бы перевернуть: «из порядка — в хаос». На этом принципе были основаны многие политические решения в развитых странах по отношению к менее развитым, а потому зависимым от них странам. Цель развитых стран достаточно ясна: использовать ресурсы очередного хаотизированного общества в своих интересах.

Индивидуализация и культурные «скрепы»

Капитализм как социальная система зиждется на двух принципах: конкурентной среде общественного производства и индивидуализации частной жизни. Вот два характерных факта. С одной стороны, как только в результате серии террористических атак в Европе был поставлен под сомнение фундаментальный принцип жизни этого общества — приватность, его политики и ученые заговорили о необходимости срочного усиления мер коллективной безопасности (читай: силовых структур государства). С другой стороны, лидеры стран ЕС, наиболее пострадавших от непрекращающегося потока мигрантов, видя, что Брюссель не заботится о безопасности их природы и населения, стали создавать самодеятельные дружины и другие частные воинские формирования для защиты от притока мигрантов. Это произошло в Болгарии, Сербии, Финляндии и в других странах. Таким образом, самодеятельные организации на деле оказались теми самыми «скрепами» сохранения национальной идентичности и локальной специфики этих стран. Помощь пострадавшим оказывалась также через социальные сети.

Однако самодеятельные организации и сеть — не единственные социальные «скрепы». В последнее время отечественные лидеры СМИ, образования и науки начали понимать, что в погоне за реализацией либеральной модели капитализма в России мы потеряли чрезвычайно важные культурные «скрепы». Прежде всего это институт популяризации научного знания и, что не менее важно, образа жизни его лидеров и носителей. Ушли в прошлое такие ученые-энциклопедисты,

как В.И. Вернадский, И.П. Павлов, Д.И. Менделеев, С.П. Капица, Д.С. Лихачев, А.Л. Чижевский и многие другие. Закрыты журналы «Наука и жизнь» и «Химия и жизнь». Вообще, такое понятие, как *научный авторитет*, и личное общение с ним в форме постоянного присутствия на публичной арене ушли из нашего обихода. Исчезли массовые популярные научно-технические издания для молодежи («Юный техник» и многие другие). Такая мощная социокультурная «скрепа», как движение краеведения, влачит жалкое существование. Википедия — совсем не равнозначная им замена. Ростуризм вспомнил о природных и культурных памятниках глубинной России только тогда, когда поток туристов и отдыхающих в Турцию и Египет резко снизился. Неужели и впредь будем вспоминать о наших «скрепах» только в условиях кризиса? Наконец, почему в нашем профессиональном сообществе нет интернет-издания, подобного социологической интернет-энциклопедии, издаваемой Международной социологической ассоциацией (sociopedia.isa)? Ведь в российской социологии были такие выдающиеся исследователи личности, как И.С. Кон и Ю.А. Левада.

Заключение

Глобализация ставит новые вопросы перед социологией личности и ее первичной экоструктуры. Мир человека стал еще более сложным и подвижным. Сегодня без включения в многомерные международные связи общественного производства и воспроизводства естественный и социальный капитал индивида накапливаться не может. Но столь же очевидно, что это включение ослабляет связь индивида с историей, культурой и природой своей страны, нации. Конкурентная борьба глобальных игроков постоянно изменяет индивидуальные планы и траектории. Рвутся дружеские связи и семейные узы, а сетевые информационные системы и массовый приток мигрантов, равно как и изменение ландшафтов в результате вооруженных столкновений, природных и техногенных катастроф, разрушают сложившиеся дружественные и территориальные общности. Ослабление социокультурной идентичности человека становится критическим. Поэтому его самосохранение и выживание в условиях глобализации является актуальной задачей всего комплекса общественных наук. Однако вопросы об «индивидуальном проекте будущего» и новой *динамической модели* первичной экоструктуры остаются открытыми.

Социологи еще не вполне осознали, что глобализация — это не только новая экономическая и военно-политическая, но и социальная реальность. Знание не только российской, но и местной истории, понимание значимости современных социобиотехнических структур являются важнейшими культурными «скрепами» для нашего общества. Не менее важна и публичная деятельность социологов, историков и других представителей общественных наук, способных интерпретировать динамику этих систем в интересах человека. Особое внимание

следует уделять возвращению на публичную арену ученых-энциклопедистов и популяризаторов науки. Ведь новое — это подчас забытое старое. Индивид должен сам вырабатывать кодекс своего поведения, опираясь на образцы русской многонациональной культуры. Дело СМИ, системы образования и просвещения — их пропагандировать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абульханова-Славская К.А.* Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980. — 320 с.
2. *Бауман З.* Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. — 240 с.
3. *Будыко М.И.* Глобальная экология. М.: Мысль, 1977. — 328 с.
4. *Ермолаева П.О.* Социально-экологический метаболизм городов: концептуализация, научные школы, современные зарубежные исследования // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 3 (11). С. 34–50.
5. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 432 с.
6. *Вернадский В.И.* Проблемы биогеохимии. Труды биохимической лаборатории. Вып. 16. М.: Наука, 1980. — 320 с.
7. *Чижевский А.* Физические факторы исторического процесса. Калуга: Первая гостиполитография, 1926.
8. *Чижевский А.* Земное эхо солнечных бурь. М.: Мысль, 1964.
9. *Яницкий О.Н.* Метаболическая концепция современного города // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 16–32.
10. *Яницкий О.Н.* Социология критических состояний общества // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4 (8). С. 5–24.
11. *Bartelson J.* Three Concepts of Globalization // *International Sociology*. 2000. No. 15 (2). P. 180–196.
12. *Bauman Z.* *Wasted Lives. Modernity and its Outcasts.* Cambridge, UK: Polity Press, 2004. — 140 p.
13. *Bauman Z.* *44 Letters from Liquid Modern World.* Cambridge: Polity Press, 2011. — 208 p.
14. *Bauman Z.* *Collateral Damage. Social Inequalities in a Global Age.* Cambridge: Polity Press, 2011. — 224 p.
15. *Bauman Z.* *Culture in a Liquid Modern World.* Cambridge: Polity Press, 2011. — 121 p.
16. *Beck U.* *Risk Society. Toward a New Modernity.* London: SAGE, 1992. — 260 p.
17. *Beck U.* *World Risk Society.* Malden, MA: Polity Press, 1999. — 184 p.
18. *Beck U.* *Cosmopolitan Version.* Cambridge: Polity Press, 2007. — 216 p.
19. *Beck U.* *Emancipatory Catastrophism: What does it mean to Climate Change and Risk Society?* // *Current Sociology*. 2015. No. 63 (1). P. 75–88.
20. *Brush S.B., Stabinsky D.* *Valuing local Knowledge. Indigenous People and Intellectual Property Rights.* Washington, D.C.: Island Press, 1996. — 337 p.
21. *Burawoy M.* *Facing the unequal world* // *Current Sociology*. 2015. No. 3 (1). P. 5–34.
22. *Capra F.* *The Turning Point. Science, Society and the Rising Culture.* Toronto, New York, London: Bantam Books, 1982. — 464 p.

23. *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1: The Rise of Network Society. 2nd ed. Oxford: Willey-Blackwell, 2010. — 656 p.
24. *Diawara M.* Globalization, Development Politics and Local Knowledge // *International Sociology*. 2000. No. 15 (2). P. 361–371.
25. *Fisher F.* Citizens, experts, and the environment. The politics of local knowledge. Durham, London: Duke University Press, 2003. — 336 p.
26. *Fisher-Kowalski M.* Society's metabolism: On the childhood and adolescence of a rising conceptual star // *The International Handbook of Environmental Sociology* / Ed. by M. Redklift, G. Woodgate. Northampton, MA: Edward Elgar, 1997. P. 119–137.
27. *Fisher-Kowalski M., Haberl H.* Socioecological transitions and global change. Trajectories of Social Metabolism and Land Use. Vienna: Klagenfurt University, 2007. — 263 p. DOI: 10.4337/9781847209436
28. *Giddens A.* The Politics of Climate Change. Cambridge: Polity Press, 2009. — 256 p.
29. *Friedewald M., Pohoryles R.* Editorial. Technology and Privacy // *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 2013. No. 26 (1–2). P. 1–6.
30. *Helvacioğlu B.* Globalization in the Neighborhood: From the Nation-State to Bilkent Center // *International Sociology*. 2000. No. 15 (2). P. 326–342.
31. *Keen D.* Complex emergences. Cambridge: Polity, 2008. — 296 p.
32. *Lidskog R., Mol A., Oosterver P.* Towards a Global Environmental Sociology? Legacies, Trends, and future directions // *Current Sociology*. 2015. No. 63 (3). P. 339–368.
33. *Martinez-Alier J.* Social Metabolism, Ecological Distribution Conflicts, and Languages of Valuation // *Capitalism Nature Socialism*. 2009. No. 20 (1). P. 58–87.
34. *Mato D.* Transnational Networking and the Social Production of Representations of Identities by Indigenous Peoples' Organizations of Latin America // *International Sociology*. 2000. No. 15 (2). P. 343–360.
35. *Phillips B.* Disaster Recovery. Boca Raton, London, New York: CRC Press (Taylor & Francis Group), 2009. — 550 p.
36. *Prades J.* Global Environmental Change and Contemporary Society // *International Sociology*. 1999. No. 14 (1). P. 7–31.
37. *Robertson R.* Globalization. Social Theory and Global Culture. London: SAGE Publications, 1994. — 211 p.
38. *Sassen S.* Territory and Territoriality in the Global Economy // *International Sociology*. 2000. No. 15 (2). P. 372–393.
39. *Sundar N.* In the times of Civic War: On being a Schizophrenic (public) Sociologist // *Current Sociology*. 2014. Vol. 62. No. 2. Monograph 1, March. P. 168–180.
40. *Therborn G.* Globalizations: Dimensions, historical waves, regional effects, normative governance // *International Sociology*. 2000. No. 15 (2). P. 151–179.
41. *Touraine A.* Return of the Actor. Social Theory in Postindustrial Society. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. — 171 p.
42. *Urry J.* Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003. — 184 p.

43. *Urry J.* Complexity. Special issue of theory, culture and society. 2005. No. 22. — 274 p.
44. *Urry J.* Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2008. — 335 p.
45. *Urry J.* Climate, Change & Society. Cambridge: Polity Press, 2012. — 166 p.
46. *Van Holdt K.* Critical Engagement in Fields of Pover: Cycles of Sociological Activism in Post-apartheid South Africa // *Current Sociology*. 2014. Vol. 62. No. 2. Monograph 1, March. P. 181–196.
47. *Wadhawa K., Rodrigues R.* Evaluating Privacy Impact Assessments // *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 2013. No. 26 (1–2). P. 161–180.
48. *Wallerstein I.* Globalization or the Age of Transition? A long-term view of the trajectory of the World System // *International Sociology*. 2000. No. 15 (2). P. 249–265.
49. *Waters M.* Globalization. London & New York: Routledge, 1995. — 185 p.
50. *Wolman A.* The metabolism of the cities // *Scientific American*. 1995. No. 213 (3). P. 178–193.
51. *Yanitsky O.* Towards Creating a Socio-Ecological Conception of a City // *Cities and Ecology. The International Expert Meeting*. Souzdal, September 24–30, 1984. Moscow: Nauka publ., 1988. P. 54–57.
52. *Yanitsky O.* A Primary Eco-Structure: The Concept and its Testing // *Social Analysis*. 2012. No. 2 (2). P. 7–24.
53. *Yanitsky O.* Sociology of Critical Areas // *Open Journal of Social Science Research*. 2014. No. 2 (3). P. 112–118 [online]. Accessed 07.10.2016. URL: <http://manuscript.sciknow.org/uploads/ojssr/pub/ojssr_140963345.pdf>.
54. *Yanitsky O.* Are the Sociologists well prepared to the Modern War? 2015 [online]. Accessed 07.10.2016. URL: <http://cirworld.com/journals/index.php/jssr/article/view/3680/pdf_99>.
55. *Yanitsky O.* New Developments in Environmental Sociology. 2016 [online]. Accessed 07.10.2016. URL: <<http://www.isras.ru/publ.html?id=4308>>.

Дата поступления: 29.06.2016.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL

2016. VOL. 22. NO. 4. P. 42–59. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.4.4811

O.N. YANITSKY

Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.

E.B. BONDARENKO

Military Academy of Signal Communications named after Marshal of the Soviet Union
S.M. Budyonny, St Petersburg, Russian Federation.

Oleg N. Yanitsky — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Address: Krzhizhanovskogo str., 24/35, bl. 5, 117218, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7 (499) 128-86-76. **Email:** oleg.yanitsky@yandex.ru

Eugeniya B. Bondarenko — Lecturer, the Department of military control, Military Academy of Signal Communications named after Marshal of the Soviet Union S.M. Budyonny.

Address: Tikhoretsky avenue, bl. 3, 194064, St Petersburg, Russian Federation.

Phone: +7 (812) 247-93-72. **Email:** abtemistka@gmail.com

GLOBALIZATION AND AN INDIVIDUAL

Abstract. Globalization is a process of all-embracing transformations and much more tight integration of natural and social ecosystems of various levels. At the same time, the globalization is a risky socially-constructed process which violates evolutionally shaped sustainability of the biosphere processes. Actually, the world as a set of sociobiotechnical systems has emerged. The article is focused on the impact of the above processes on micro-level, i.e. on an individual and its ecosystem which I've called the primary eco-structure. The explication of this notion, the critical changes in its structure and functions, means and forms of its adaptation to global challenges, and the substantial shifts in behavioral 'dynamic stereotypes' including metabolic processes between man and his/her environment are the main topics of the article.

Keywords: adaptation; critical changes; globalization; dynamic stereotype; individual; metabolism; micro-level; primary eco-structure; risk; sociobiotechnical system.

For citation: Yanitsky O.N., Bondarenko E.B. Globalization and an individual. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2016. Vol. 22. No. 4. P. 42–59. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.4.4811

REFERENCES

1. Abul'khanova-Slavskaya K.A. *Deyatel'nost' i psikhologiya lichnosti*. [Activities and Psychology of Personality.] Moscow: Nauka publ., 1980. 320 p.
2. Bauman Z. *Liquid modernity*. [Russ. ed.: *Tekuchaya sovremennost'*. Ed. by Yu.V. Asochakov. St Petersburg: Piter publ., 2008. 240 p.]
3. Budyko M.I. *Global'naya ekologiya*. [Global ecology.] Moscow: Mysl' publ., 1977. 328 p.
4. Ermolaeva P.O. Socio-ecological metabolism of cities: Conceptualization, research schools, modern foreign studies. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2015. No. 3 (11). S. 34–50. (In Russ.)
5. Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa. Novyi dialog cheloveka s prirodoi*. Moscow: Editorial URSS publ., 2001. 432 p. (In Russ.)
6. Vernadskii V.I. *Problemy biogeokhimii. Trudy biokhimicheskoi laboratorii*. [Problems of biogeochemistry. Proceedings of the biochemical laboratory.] Is. 16. Moscow: Nauka publ., 1980. 320 p.
7. Chizhevskii A. *Fizicheskie factory istoricheskogo protsessa*. [Physical factors of the historical process.] Kaluga: Pervaya gostipolitografiya publ., 1926.
8. Chizhevskii A. *Zemnoe ekho solnechnykh bur'*. [Earth echo of solar storms.] Moscow: Mysl' publ., 1964.
9. Yanitskii O.N. Metabolic concept of the modern city. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2013. No. 3. P. 16–32. (In Russ.)
10. Yanitskii O.N. Sociology of critical states of society. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2014. No. 4 (8). P. 5–24. (In Russ.)
11. Bartelson J. Three Concepts of Globalization. *International Sociology*. 2000. No. 15 (2). P. 180–196.
12. Bauman Z. *Wasted Lives. Modernity and its Outcasts*. Cambridge, UK: Polity Press, 2004. 140 p.

13. Bauman Z. *44 Letters from Liquid Modern World*. Cambridge: Polity Press, 2011. 208 p.
14. Bauman Z. *Collateral Damage. Social Inequalities in a Global Age*. Cambridge: Polity Press, 2011. 224 p.
15. Bauman Z. *Culture in a Liquid Modern World*. Cambridge: Polity Press, 2011. 121 p.
16. Beck U. *Risk Society. Toward a New Modernity*. L.: SAGE, 1992. 260 p.
17. Beck U. *World Risk Society*. Malden, MA: Polity Press, 1999. 184 p.
18. Beck U. *Cosmopolitan Version*. Cambridge: Polity Press, 2007. 216 p.
19. Beck U. Emancipatory Catastrophism: What does it mean to Climate Change and Risk Society? *Current Sociology*. 2015. No. 63 (1). P. 75–88.
20. Brush S.B., Stabinsky D. *Valuing local Knowledge. Indigenous People and Intellectual Property Rights*. Washington, D.C.: Island Press, 1996. 337 p.
21. Burawoy M. Facing the unequal world. *Current Sociology*. 2015. No. 3 (1). P. 5–34.
22. Capra F. *The Turning Point. Science, Society and the Rising Culture*. Toronto, New York, L.: Bantam Books, 1982. 464 p.
23. Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1: The Rise of Network Society*. 2nd ed. Oxford: Willey-Blackwell, 2010. 656 p.
24. Diawara M. Globalization, Development Politics and Local Knowledge. *International Sociology*. 2000. No. 15 (2). P. 361–371.
25. Fisher F. *Citizens, experts, and the environment. The politics of local knowledge*. Durham, L.: Duke University Press, 2003. 336 p.
26. Fisher-Kowalski M. Society's metabolism: On the childhood and adolescence of a rising conceptual star. *The International Handbook of Environmental Sociology*. Ed. by M. Redklift, G. Woodgate. Northampton, MA: Edward Elgar, 1997. P. 119–137.
27. Fisher-Kowalski M., Haberl H. *Socioecological transitions and global change. Trajectories of Social Metabolism and Land Use*. Vienna: Klagenfurt University, 2007. 263 p. DOI: 10.4337/9781847209436
28. Giddens A. *The Politics of Climate Change*. Cambridge: Polity Press, 2009. 256 p.
29. Friedewald M., Pohoryles R. Editorial. Technology and Privacy. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 2013. No. 26 (1–2). P. 1–6.
30. Helvacioğlu B. Globalization in the Neighborhood: From the Nation-State to Bilkent Center. *International Sociology*. 2000. No. 15 (2). P. 326–342.
31. Keen D. *Complex Emergences*. Cambridge: Polity, 2008. 296 p.
32. Lidskog R., Mol A., Oosterver P. Towards a Global Environmental Sociology? Legacies, Trends, and Future Directions. *Current Sociology*. 2015. No. 63 (3). P. 339–368.
33. Martinez-Alier J. Social Metabolism, Ecological Distribution Conflicts, and Languages of Valuation. *Capitalism Nature Socialism*. 2009. No. 20 (1). P. 58–87.
34. Mato D. Transnational Networking and the Social Production of Representations of Identities by Indigenous Peoples' Organizations of Latin America. *International Sociology*. 2000. No. 15 (2). P. 343–360.
35. Phillips B. *Disaster Recovery*. Boca Raton, London, New York: CRC Press (Taylor & Francis Group), 2009. 550 p.
36. Prades J. Global Environmental Change and Contemporary Society. *International Sociology*. 1999. No. 14 (1). P. 7–31.
37. Robertson R. *Globalization. Social Theory and Global Culture*. L.: SAGE Publications, 1994. 211 p.
38. Sassen S. Territory and Territoriality in the Global Economy. *International Sociology*. 2000. No. 15 (2). P. 372–393.
39. Sundar N. In the times of Civic War: On being a Schizophrenic (public) Sociologist. *Current Sociology*. 2014. Vol. 62. No. 2. Monograph 1, March. P. 168–180.
40. Therborn G. Globalizations: Dimensions, historical waves, regional effects, normative governance. *International Sociology*. 2000. No. 15 (2). P. 151–179.

41. Touraine A. *Return of the Actor. Social Theory in Postindustrial Society*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. 171 p.
42. Urry J. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2003. 184 p.
43. Urry J. *Complexity. Special issue of theory, culture and society*. 2005. No. 22. 274 p.
44. Urry J. *Mobilities*. Cambridge: Polity Press, 2008. 335 p.
45. Urry J. *Climate, Change & Society*. Cambridge: Polity Press, 2012. 166 p.
46. Van Holdt K. Critical Engagement in Fields of Power: Cycles of Sociological Activism in Post-apartheid South Africa. *Current Sociology*. 2014. Vol. 62. No. 2. Monograph 1, March. P. 181–196.
47. Wadhawa K., Rodrigues R. Evaluating Privacy Impact Assessments. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 2013. No. 26 (1–2). P. 161–180.
48. Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A long-term view of the trajectory of the World System. *International Sociology*. 2000. No. 15 (2). P. 249–265.
49. Waters M. *Globalization*. London & New York: Routledge, 1995. 185 p.
50. Wolman A. The metabolism of the cities. *Scientific American*. 1995. No. 213 (3). P. 178–193.
51. Yanitsky O. Towards Creating a Socio-Ecological Conception of a City. *Cities and Ecology. The International Expert Meeting. Souzdal, September 24–30, 1984*. Moscow: Nauka Publishers, 1988. P. 54–57.
52. Yanitsky O. A Primary Eco-Structure: The Concept and its Testing. *Social Analysis*. 2012. No. 2 (2). P. 7–24.
53. Yanitsky O. Sociology of Critical Areas. *Open Journal of Social Science Research*. 2014. No. 2 (3). P. 112–118 [online]. Accessed 07.10.2016. URL: <http://manuscript.sciknow.org/uploads/ojssr/pub/ojssr_140963345.pdf>.
54. Yanitsky O. *Are the Sociologists well prepared to the Modern War?* 2015 [online]. Accessed 07.10.2016. URL: <http://cirworld.com/journals/index.php/jssr/article/view/3680/pdf_99>.
55. Yanitsky O. *New Developments in Environmental Sociology*. 2016 [online]. Accessed 07.10.2016. URL: <<http://www.isras.ru/publ.html?id=4308>>.

Received: 29.06.2016.
